СКВОЗЬ МОДЕРНИЗАЦИЮ

Традиции в современной жизни российских казахов

Е. И. Ларина
О. Б. Наумова

Елена Ларина

Сквозь модернизацию. Традиции в современной жизни российских казахов

«Нестор-История»

2016

УДК 39
ББК 60.54

Ларина Е. И.

Сквозь модернизацию. Традиции в современной жизни российских казахов / Е. И. Ларина — «Нестор-История», 2016

ISBN 978-5-4469-0847-9

Книга посвящена социо-культурной жизни казахов России в XX–XXI вв., менявшейся вместе с эпохой. Глобальные социально-экономические изменения и унификация образа жизни в новейшее время потребовала от этносов выработки новых адаптивных механизмов, поддерживающих и воспроизводящих самосознание и самоидентификацию народов. В процессе модернизации на первый план выходят социальные связи этноса, ведущей формой функционирования которых по-прежнему выступают традиция и ритуал. Российские казахи – этническая группа, после распада Советского Союза оказавшаяся за пределами политической родины и тем самым обретшая границу в отношениях с основным этническим ядром. В этом контексте рассмотрены миграции российских казахов в трансграничном российско-казахстанском пространстве, позволяющие поддерживать общеказахское единство; исследованы их традиции, прошедшие сквозь советский период – забытые и возрождённые, минимизированные, актуализированные, вобравшие новые смыслы или изобретённые в последнее время: традиции самоуправления, различные обряды и праздники, религиозные представления и практики, традиции и инновации в имянаречении; осмыслены изменения в этническом самосознании и его многозначность; поставлены методологические вопросы о судьбах традиционных обществ в условиях модернизации. Книга основана на этнографическом материале, собранном авторами в 2005–2012 гг. в основных областях расселения российских казахов, устной истории, богатой историографии. Книга адресована как специалистам, так и всем интересующимся общей и этнической историей.

УДК 39

ББК 60.54

ISBN 978-5-4469-0847-9

© Ларина Е. И., 2016
© Нестор-История, 2016

Содержание

Предисловие 7
Введение 10
О чем эта книга 10
О ком эта книга 14
Расселение 14
Иноэтничное окружение 16
Современное изучение казахов России 18
Источник 20
Полевые материалы и проблема интерпретации 20
Место и время поездок 21
Методика сбора полевого материала 23
Организация полевой работы 23
Глава первая. Постсоветские казахские миграции в российско-казахстанском пограничье и этническая самоидентификация российских казахов 27
Миграции казахов на западе российско-казахстанского пограничья 30
1990-е гг. Из Казахстана в Россию 30
2000-е гг. Из России в Казахстан 33
Некоторые результаты миграций 35
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Елена Ларина, Ольга Наумова
Сквозь модернизацию. Традиции в современной жизни российских казахов

© Е. И. Ларина, О. Б. Наумова, 2016
© Издательство «Нестор-История», 2016

Предисловие

Вы спросите меня, был ли я в этом районе? Да, я был ‹…› Поэтому всё, что я буду говорить, мною пережито, люди, о которых я буду повествовать, я их знал, я вступал с многими из них в сношения, и, даже больше, между ними я имею немало друзей, и ‹…› каждый раз, когда кто-нибудь едет в Азию или обратно, я восстановляю с ними духовное общение.
Востоковед, профессор, генерал А. Е. Снесарев (1865–1937)
(Снесарев 2002: 18–19)

Когда в середине 2000-х гг. авторы этой книги вместе стали ездить к российским казахам, почти всегда находились въедливые собеседники, которые задавали неизменный вопрос: «Почему вы изучаете казахов? Вы что, замужем за казахом?» Первой нашей реакцией была улыбка и недоумение – почему же обязательно замужем? Хотя с точки зрения антропологии академической жизни такое жизненное наблюдение может представлять и научный интерес: увлечение этнологией поначалу неизбежно связано с очарованием изучаемым народом, следствием чего, естественно, могут стать и межнациональные браки. В нашем случае столь очевидная для людей причина отсутствовала. Однако заданный нам вопрос нельзя назвать простым, и ответ на него не может быть однозначным.

Радикальные изменения 1990-х гг. оказались критическими для российской науки. Изменилось не только название науки, которой мы служим, – с этнографии на этнологию. Надо было адаптироваться к новой действительности и условиям научных исследований. В свое время наши учителя надолго уезжали в этнографическое поле. Лев Павлович Лашук (1925–1990) многие месяцы жил среди народов Северного Приуралья, а Сергей Петрович Поляков (1932–2012) сорок с лишним экспедиционных сезонов провел в республиках Средней Азии. Причем оба выезжали в экспедиции со студентами Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, оба привлекали научные и студенческие силы в регионах. Опыт их работы и организация полевых исследований во многом были универсальными в то время, соответствовали общераспространенным методикам и преподавались нам во время обучения на кафедре этнографии (с 1992 г. – этнологии) исторического факультета МГУ. На нашу долю выпало искать новые пути практической работы. В 1990-х гг. исследовательское поле этнологов предметно расширялось довольно стремительно, и так же стремительно вроде шагреневой кожи, сокращалось географически вместе с территориальными потерями страны, скудным финансированием и социальной нестабильностью. Не так-то просто было выехать и работать в государствах Средней Азии, и практически невозможно было организовать эту работу со студентами. Таким образом, на наших глазах ушли в прошлое прославленные комплексные университетские и академические экспедиции в Среднеазиатско-Казахстанский регион.

Один из авторов книги – сотрудник Института этнологии и антропологии РАН Ольга Борисовна Наумова, с середины 1980-х гг. проводила полевые исследования в Казахстане, изучала этнокультурные процессы у казахов в многонациональных районах республики (*Naumova* 1988; *Наумова* 1991; 1992; *Наумова, Чешко* 1989). Поэтому в новых условиях естественно было продолжить изучение казахов, но уже на территории России. Другой автор – Елена Игоревна Ларина, доцент кафедры этнологии истфака МГУ, руководствовалась необходимостью организации полевой среднеазиатской практики студентов на кафедре этнологии. Для работы этнографических экспедиций в Узбекистане или Таджикистане в то время возможностей не было, а для изучения российско-казахстанского пограничья в пределах России имелись все необходимые ресурсы. Мы решили объединить наши усилия и вместе проводить полевые исследования среди российских казахов.

Утвердиться в нашем выборе помог случай. 19 декабря 1996 г. в Москве проходила конференция «Казахстан – независимость и евразийское гуманитарное единство», на которой мы познакомились с Полатом Онеровичем Джамаловым, тогда общественным активистом среди казахов г. Москвы, а теперь председателем национально-культурной автономии казахов г. Москвы. Он оказал нам неоценимую поддержку в организации экспедиций. Будучи главой московских казахов и активным участником Всемирных курултаев казахов в Казахстане, Полат Онерович обладал всеми необходимыми для нас контактами, он становился нашим поручителем перед региональными общественными организациями и гарантом нашего профессионализма – для них. Так сложилась схема организации исследований – устанавливался контакт с областной национально-культурной организацией казахов, совместно с которой затем разрабатывался маршрут исследования по районам той или иной области. Таким образом, наше исследование охватило большую часть территории с компактным проживанием казахов вдоль протянувшейся на семь с половиной тысяч километров российско-казахстанской границы: 2005 г. – Самарская обл., 2006 г. – Кош-Агачский район Республики Алтай и Оренбургская область, 2007 г. – Астраханская область, 2008 г. – Саратовская область, 2009 г. – Омская область, 2011 г. – Курганская область, 2012 г. – Волгоградская область.

Там, где велась исследовательская работа и сбор материалов для местной прессы, к нам прикрепляли сотрудников газеты, национально-культурной организации или аспирантов. Они собирали материал для газеты или диссертации, а иной раз выступали переводчиками с казахского на русский язык. В Оренбургской области вместе с нами проводили свои исследования тогда аспирантка Оренбургского аграрного университета, а сейчас его доцент Биганша Беркимбаевна Алимбаева и юная корреспондентка областной газеты «Айкап» Айнур Утепова; брат председателя оренбургской областной общественной организации «Казак тиле» Тимур Азмуханович Байдавлетов был непревзойденным рассказчиком и своего рода проводником в самые удаленные уголки региона. В Кош-Агачском районе Республики Алтай рядом с нами всегда были сотрудницы центра казахской культуры «Мирас» и авторы районной газеты «Чуйские зори» Зухра Ядыгемовна Байгонусова и Айсара Кантаевна Алкенова. В Саратовской области вместе с нами работал аспирант факультета истории международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского Амангельды Базарбаев.

В гостях у Геннадия Алибекова. Московская обл., г. Голицыно. 2010 г. Фото Е. В. Дёминой

Мы бы хотели выразить глубочайшую признательность за содействие, моральную, а иной раз и материальную поддержку лидерам казахского общественного движения в России и привести здесь их имена: Полат Онерович Джамалов, Асылбек Куантаевич Толешов (Москва); Никита Сеитович Искаков, Нургали Исмагулович Байтемиров и Канат Зенетуллаевич Шантимиров (Астрахань); Разий Абильевич Акишев, Амантай Шингалиевич Бисекенов, Амангельды Джумагулов и Якуб Абдрахманович Умбеталиев (Волгоград); Урал Идрисович Ахметов, Боранбай Байгенженович Безжигитов, Сайлау Салыкович Даулетов и Кайрат Науанович Уралов, учительница в с. Яровое Толеу Касымхановна Баймужикова (Курган); Алтынай Хайдулловна Жунусова и Геннадий Темиржанович Алибеков (Омск); Азамат Азмуханович Байдавлетов и Торегали Абдулович Казиев (Оренбург); Ауельхан Жазитович Джаткамбаев и его супруга Бесайдар (Республика Алтай, Кош-Агачский район); Токтарбай Кадыргалиевич Дусенбаев (Самара); Марат Сапаргалиевич и Руслан Сапаргалиевич Бисенгалиевы (Саратов). Это подвижники и альтруисты, глубоко чтящие культуру и историю своего народа. Их деятельность доставляет им немало хлопот и не приносит иных дивидендов, кроме моральных. Они – хранители исторической памяти, традиции и самоуважения народа. Им и всем тем, кто приходил к нам на помощь в наших путешествиях, кто делился с нами и кровом и знаниями, кто рассказывал нам свою историю и историю своего народа, посвящена наша книга.

В книге использованы фотографии авторов, а также студентов, участвовавших в экспедициях к российским казахам – Анны Андреевской (Солдатовой), Евгении Дёминой, Андрея Окунева и Анны Уманской.

Сбор материала для этой книги осуществлялся при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в виде грантов: № 06-01-18026е «Казахи России: экономика, культура, религия»; № 06-01-00134а «Миграция из Центральной Азии в Россию: проблемы интеграции и адаптации мигрантов»; 09-01-00251а «Центральноазиатские диаспоры в России»; № 11-01-00045а «Проблемы межкультурного взаимодействия мигрантов из Центральной Азии и российского общества»; № 15-01-00442 «Судьба кочевых обществ в индустриальном и постиндустриальном мире».

Введение

О чем эта книга

Полтора столетия модернизации Российской империи стали поворотным рубежом для истории населяющих ее народов. Долгое время воспринимавшаяся как исключительно прогрессивная и безусловно положительная, модернизация сегодня рассматривается и как негативный опыт, опыт утраты и исторической травмы, особенно на фоне построения советского общества с его «догоняющей модернизацией». Экономические преобразования и радикальные изменения социальной структуры общества привели к «вере в прогресс и в “смерть прошлого”, т. е. в разрыв с традиционным обществом» («миром, который мы потеряли» Ж. Ш. Пламб) (*Копосов* 2013: 63). Индустриальное общество, казалось, не нуждалось в архаичных традициях при строительстве «нового мира»; в советской традиции это вылилось в «борьбу с пережитками» прошлого, искоренение обычая и конструирование новых традиций. Неудивительно, что уже в 1960-х гг. появилась ностальгия по уходящей традиции, в литературе возникла проза «деревенщиков», в городе – мода на «народность». В этнологии же создавались концепции, осмысливающие устойчивость традиционного и его соответствие советскому образу жизни, особенно в сельской местности или на «национальных окраинах» – в советских республиках Кавказа и Средней Азии (*Поляков* 1989; *Карлов* 2010; *Ларина* 2014).

Модернизация имела густое национальное наполнение. На смену культурогенезу, составлявшему суть развития центральноазиатского региона на протяжении всей его истории, пришел процесс становления национальных идентичностей и национальных государств (*Массон* 2006). Проблема «национального возрождения» – одна из главных проблем центральноазиатских государств. В отличие от Запада, где формирование индустриальных обществ и соответственно наций завершилось столетие назад, для Центральной Азии период социально-экономических и политических трансформаций и нациеобразования на рубеже XX–XXI вв. вступил в пиковую фазу, что связано в первую очередь с образованием суверенных государств (*Абашин* 2007; *Ильхамов* 2002; Центральная Азия 2009; *Шоберлайн-Энгел* 1997).

Традиционно центральноазиатское общество имело сложное социальное строение с различными типами самосознания (родоплеменным, сословным, локальным, социально-хозяйственным, религиозным) (*Абашин* 2007: 11–35). Во второй половине XIX в. в Центральную Азию проникает этнонациональное самосознание: «…в новейшее время под влиянием европейской культуры (через посредство России) возникло стремление к национальному единству», – написал по этому поводу востоковед В. В. Бартольд (*Бартольд* 1964: 529). Советская власть стремилась максимально упростить национальную структуру центральноазиатского общества. В 1920-х гг. был прерван процесс этнизации кипчаков, сартов, юзов, текинцев, йомудов и др. На основе национального деления, проведенного большевиками, в наши дни идет так называемое «национальное возрождение». Современная власть пытается обеспечить однородность казахского, узбекского, туркменского, киргизского и таджикского (включая в него памирские народы) самосознания, которое должно обеспечивать «единство нации». Такая этнизация является неотъемлемой чертой модернизации. На основе этих двух посылов государства вырабатывают национальную идеологию, призванную обеспечить национальную консолидацию в обществе (Доктрина 2010; *Каримов* 1999; *Рахмонов* 2000).

Практическая реализация новых теорий осуществляется в контексте двух противоречивых тенденций. Первая связана с изменением качественного состояния мира в конце XX в. и переходом от индустриального к постиндустриальному этапу истории, который также получил название постиндустриальной цивилизации, или стадии глобализации. Этот переход

сопровождается подъемом национального самосознания и усилением межэтнических противоречий (*Карлов* 2010; *Смит* 2004).

Унификация образа жизни в обществе на стадии глобализации потребовала от этносов выработки новых адаптивных механизмов, поддерживающих самосознание и самоидентификацию народов. В традиционном обществе жизнеобеспечение и его этнические особенности являлись результатом длительной адаптации к специфическим условиям природно-экологической среды, в которой происходило их становление. Новое и новейшее время отличаются принципиальной сменой адаптивных механизмов общества по отношению к среде. Индустриализация меняет саму среду обитания, профессионализируется духовное производство. Происходит трансформация этноспецифических черт в новых условиях. Надежным признаком этноса становится самосознание и самоидентификация народов. И если по мере модернизации исчезают этнически специфические элементы культуры, то на первый план выходят формы общения, социальные связи этноса (*Барт* 2006: 46; *Карлов* 2010).

В Центральной Азии радикальная трансформация общественных связей происходила в советский период. Сложилась уникальная система двойственности, отличная от периода XIX в. с его «косвенным управлением» (*Глущенко* 2001). Советское государство заменило традиционные институты власти новыми в соответствии с советским законодательством, начало модернизацию края, создало здесь развитую промышленную базу и т. д. Вместе с тем вся обычная жизнь происходила «по традиции», хотя какие-то нормы и институты сохранялись скорее в виде исторической памяти, мерцающих анахронизмов и частично воспроизводились старшим поколением.

Для народов бывшего СССР периодом активизации, кристаллизации традиционных социальных связей стало время 1990-х гг. С началом перестройки и деидеологизации общественной жизни, а также в связи с реалиями становления рыночной экономики происходил резкий подъем национального самосознания, коренные изменения в жизнеобеспечении, рост девиантного поведения, и как следствие, в тех или иных этнических группах складывались различные механизмы реакции на перечисленные процессы. Одной из форм адаптации к изменившимся условиям стало воссоздание традиционных социальных институтов. В Центральной Азии этот процесс начался стихийно, снизу, стал своего рода переосмыслением собственных традиционных норм. Государство с течением времени придавало традиции легитимный характер – создавая исполнительные органы на общественных началах.

Традиционные социальные отношения во многом были воссозданы заново, вместе с тем они продолжают формироваться, некоторые стали новой традицией. Какие-то из институтов стали частью национальной идеологии, например советы старейшин в Казахстане или махалля в Узбекистане. Но все они являются неотъемлемой чертой современного национального самосознания. Нельзя сказать, что для народов Центральной Азии обозначенные социальные институты являются универсальными. В среде бывших кочевников и у населения оазисов они актуализированы в разной степени. Однако общей генеральной функцией этих институтов является поддержание локального сообщества. Такое локальное сообщество в центральноазиатском регионе зачастую пронизано тесными родственными связями, поэтому происходит воспроизводство и поддержание родовых отношений, сплачивание общности, что улучшает ее позиции в окружающей социальной среде.

Воссоздание традиций входит в противоречие с генеральными изменениями в сторону интеграции и глобализации. Именно оно является противоположным модернизации процессом. Некоторые исследователи называют этот процесс «традиционализацией» (*Волков* 2008; *Кадыров* 2003: 13, 223–226; *Чешков* 1998), другие – «архаизацией» общества (*Ламажаа* 2013).

Наша книга посвящена изучению традиций, прошедших сквозь модернизацию – полузабытых, минимизированных, дополненных и изобретенных – востребованных и актуализиро-

ванных сегодня[1]. Традициям, «изначально присущим человеку с момента появления его на свет как в филогенетическом, так и онтогенетическом смысле», и означающим «передачу в диахронном плане, от старших к младшим, от поколения к поколению, от когорты к когорте устоявшихся форм поведения, навыков, понятий, т. е. всего, что составляет костяк культуры» (*Арутюнов* 2012: 279). Это традиции российских казахов – этнической группы, волею политической судьбы оказавшейся за пределами политической родины и тем самым обретшей некую границу в отношениях с основным этническим ядром. Книга основана на современном, собранном за последнее десятилетие полевом материале. Однако традиции, фиксируемые нами сегодня, уходят корнями в традиционное общество казахов, и увидеть пути и механизмы их трансформаций можно исходя из понимания, что эти трансформации суть отражение развития традиционного казахского общества, его постепенной модернизации. В известной теории Ю. Хабермаса, посвященной ключевой проблеме социально-культурного развития человека и общества в индустриальную эпоху, «традиционное» и «модернизированное» общества противостоят друг другу (*Хабермас* 2007). Однако в случае российских казахов это противопоставление ничего не говорит об исторических детерминантах и характеристиках социокультурного процесса.

Слово «современный» мы используем в двух значениях. Одно значение вытекает из противопоставления современного «прежнему», «прошлому»: «В этом значении данное определение присваивается идеям, предметам или лицам, которые в то время, что является на момент высказывания настоящим, репрезентируют некий институт, существующий на протяжении длительного периода и при этом заполняемый сменяющимся содержанием» (*Гумбрехт* 2014: 245). Второе используемое нами значение «описывает современность, переживаемую как эпоху, которая в силу определенных качеств, свойственных ей в целом как чему-то гомогенному, несмотря на всю ее сложную природу, отделяется от эпох прошлого» (там же: 246). В этом смысле современные традиции казахов России – это результат социально обусловленного выбора возможностей из существующего спектра традиционных практик, как старых, так и сформировавшихся в советский период. Традиции в современности становятся категорией движения, осознанием необходимых изменений и выработки новых адаптивных практик на пути в будущее до окончания модернизации как таковой и установления индустриального общества, когда патриархальная принудительная сила традиции уступит место обязательности выбора.

Мы думаем, что, несмотря на все увеличивающийся интерес историков и антропологов к индивидуальному, к отдельному казусу, к локальности, проблема исследования более широких объединений людей остается актуальной. Ведь чтобы «посмотреть, каким образом отдельные человеческие жизни (или повседневности) разворачиваются одновременно в разных течениях» (*Абашин* 2015: 48), надо увидеть и изучить эти течения, «большие социальные потоки», процессы, в которые втягиваются конкретные личности, отдельные семьи и которые в свою очередь тоже влияют на эти процессы. Это определило наше стремление охватить основные регионы компактного проживания казахов в России и генерализировать наши наблюдения, интерпретации и выводы в виде выявления процессов трансформации этнической культуры.

Важным фактором этнокультурных трансформаций российских казахов являются внешние влияния, обусловленные характером их расселения: хотя географически российские казахи находятся в России, в этнокультурном плане их место – между Россией и Казахстаном. Для казахов России на протяжении XX столетия была присуща двойная удаленность – от этнического ядра, основной территории проживания казахов, и от политических центров – Москвы и Алма-Аты. Они всегда занимали периферийное положение в политическом и культурном

[1] Учитывать феномен «актуализации традиций» при исследовании современных этнических процессов предлагал в 1990 г. уже тяжело больной Лев Павлович Лашук (*Карлов* 2016: 8).

планах. Такое периферийное положение вместе с тем не означало, что регионы расселения российских казахов находятся в изоляции (частичное исключение представляет Кош-Агачский район Республики Алтай). Напротив, при максимальном сохранении наиболее архаичных черт этнической культуры здесь располагалась область активных заимствований и инноваций – один поток шел от казахов Казахстана, другой – от иноэтничного окружения на территории России.

В последнее десятилетие XX в. сложились новые условия для этнокультурного развития российских казахов. Оно получило мощный толчок на волне перестроечного подъема национального (этнического) самосознания и религиозного возрождения, которые в то время переживали все народы Советского Союза. В 1991 г. страна распалась, и ее граждане в одночасье перестали быть соотечественниками. Казахи Казахской ССР и казахи, населявшие РСФСР, отделенные от основного этнического массива лишь формальной административной границей, оказались гражданами разных государств – Республики Казахстан и Российской Федерации. Произошла и эссенциализация двойной удаленности казахов России.

С одной стороны, физическое разделение территории обитания казахов политической границей хотя и усложнило контакты российских и казахстанских казахов, но не порвало их тесных связей; к тому же граница в связи с образованием Евразийского экономического пространства с каждым годом становится всё более прозрачной. Кроме того, сохраняется и укрепляется общее информационное пространство, которому при современных средствах коммуникации не страшны никакие политические границы.

С другой стороны, существование в разных, хотя и дружественных государствах, накладывает ощутимый отпечаток на этнокультурное развитие и идентификацию как основного этнического массива казахов, развивающегося в рамках независимого государства, так и этнической группы российских казахов. После распада СССР власти новообразованных государств начали поиск концептуального выражения единства наций, отправной точкой которого стало осмысление понятия нации в этническом или государственном смысле: в России и Казахстане вектор поиска имеет одинаковое направление в сторону формирования гражданской нации – россиян (*Тишков* 2010) и казахстанцев (*Назарбаев* 2008; Доктрина 2010). Успешность такого конструирования новых идеологий зависит не только от интеллектуальных усилий политиков и идеологов, но и от восприятия новых образов культурой массовой, «простонародной», коллективно-бессознательной. Российские казахи, не теряя *этнической* идентичности, в полной мере ощущают себя гражданами России, признают это государство своим, что и составляет основу их *национальной* идентичности. И в этой связи авторы книги ставили целью показать, как сегодня живут казахи России, являясь полноправными гражданами этого государства и в то же время находясь в постоянном контакте с казахами Казахстана, – другими словами, рассмотреть существование группы между этническим и национальным полюсами влияния, увидеть трансформации в этнической культуре и самосознании, вызванные этими факторами.

О ком эта книга

Казахи, проживающие в Российской Федерации, расселены по северной и западной окраине основного казахского этнического ареала. Здесь смешанное русско-казахское население образует широкую полосу, разделенную казахстанско-российской границей, протяженностью в семь с половиной тысяч километров.

Расселение

Основная масса казахов в России – более 90 % – расселена в областях, граничащих с Республикой Казахстан: Астраханской, Волгоградской, Саратовской, Самарской, Оренбургской, Челябинской, Тюменской, Курганской, Омской, Новосибирской, Алтайском крае и Республике Алтай. По переписи населения 2010 г. в России насчитывается 647 732 казаха, что составляет 0,472 % от всех жителей страны, указавших свою национальную принадлежность. Из них 238 905 (36,9 %) казахов живут в городе и 408 827 (63,1 %) – в сельской местности (Демоскоп Weekly, http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_10.php).

Таблица 1. **Численность казахов в РСФСР и Российской Федерации по переписям 1939–2010 гг.**

1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
356 646	382 431 +25 785	477 820 +95 389	518 060 +40 240	635 865 +117 805	653 962 +18 097	647 732 –6230

Как видно из табл. 1, численность казахов в РСФСР в составе Советского Союза, а затем в Российской Федерации вплоть до 2002 г. неуклонно повышалась, пики прироста пришлись на 1960-е и 1980-е гг.: 24,9 и 22,7 % соответственно. В постперестроечное время, с ломкой экономической системы и ухудшением материального благосостояния людей, прирост численности казахов России резко снизился – до 2,8 %, а затем, к последней переписи, сменился спадом – казахское население России уменьшилось на 6,23 тыс. чел. Причинами такого замедления и затем спада роста численности (характерного, отметим, для всей страны), несомненно, являются экономические трудности конца 1990-х – начала 2000-х гг., а также общедемографические тенденции снижения рождаемости, свойственные всё более урбанизирующимся обществам. Однако динамика численности казахского населения России определялась помимо этих и другим фактором, а именно миграционными процессами, причины, ход и результаты которых будут рассмотрены в гл. 1.

Здесь же отметим, что рост и спад численности казахов России идет неравномерно по областям их расселения, что видно из табл. 2.

В Поволжье – Астраханской, Волгоградской и Самарской областях, а также в Тюменской области и Республике Алтай переписью 2010 г. фиксируется даже небольшой прирост. В других областях казахское население уменьшилось, а в Курганской и Новосибирской этот процесс начался еще раньше – он фиксируется уже переписью 2002 г.[2]

Родоплеменная принадлежность. Важной характеристикой казахов, в том числе российских, является их родоплеменная принадлежность. Казахи делились на три жуза, которые в свою очередь дробились на множество иерархически организованных патронимических

[2] Такая разница отчасти может объясняться внутренними миграциями. Так, вполне возможен отток из Курганской и Новосибирской областей в Тюменскую, причем в привлекающий рабочую силу Ханты-Мансийский автономный округ: по переписи 1989 г., в нем проживало всего 563 казаха, а в 2002 г. уже 4258 (в 2010 г. – 4382).

групп – племен, родов и более мелких родоплеменных групп, которые создавали сложную и широко разветвленную родоплеменную структуру (подробнее см. *Масанов* 1995: 55–64, 144–147)[3]. За казахскими жузами, племенами и родами издавна закрепились определенные территории кочевания. На конец XIX – начало XX в. они были зафиксированы как отдельными учеными – географами и этнографами, так и несколькими экспедициями, занимавшимися землеустройством крестьян-переселенцев. Результаты этих исследований были обобщены в советское время В. В. Востровым и М. С. Мукановым, которые дополнили их собственным полевым материалом. Для подробного воссоздания родоплеменного состава казахов российско-казахстанского пограничья на период рубежа XIX–XX вв. отсылаем читателей к их работам (*Востров, Муканов* 1968; *Муканов* 1974; 1991).

Таблица 2. **Численность казахов, проживающих в пограничных с Казахстаном областях России по переписям 1959–2010 гг.**

Область	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Астраханская	68 924	96 662	104 954	126 500	142 633	149 415
Волгоградская	23 320	31 548	34 872	41 505	45 301	46 223
Саратовская	43 987	57 369	63 345	73 428	78 320	76 007
Самарская	7914	10 392	11 223	14 233	14 918	15 602
Оренбургская	77 708	93 214	98 612	111 477	125 568	120 262
Челябинская	22 813	27 559	28 224	33 230	36 219	35 297
Курганская	9740	12 581	14 040	15 817	14 804	11 939
Тюменская	6371	8868	10 196	15 682	18 639	19 146
Омская	44 876	52 703	61 157	74 991	81 618	78 303
Новосибирская	13 265	12 184	11 837	12 322	11 691	10 705
Алтайский край	19 798	19 689	19 457	21 709	9825	7979
Республика Алтай	4745	7170	8677		12 108	12 524

Составлено по данным сайта Демоскоп Weekly, http://demoscope.ru/weekly/

Здесь же отметим крупные родоплеменные подразделения, кочевавшие в северных частях Казахской степи – жузы, племена, рода, которые составили старожильческое казахское население современной Российской Федерации. Казахи Младшего жуза обитали в западной части современного российско-казахстанского пограничья – вплоть до юго-восточной части Челябинской области. Казахи поколений *байулы* (рода *черкеш, байбакты*), *алимулы* (род *кете*), *жетыру* (род *кердери*) имели зимовки и летние пастбища на территории, прилегающей к современной казахстанско-российской границе до Саратовской области. По границе с современной Оренбургской областью расселялись казахи поколений *байулы* (род *маскар*) и *жетыру* (рода *тама, табын, кердеры* и *жагалбайлы*). Земли жагалбайлы продолжались и по юго-восточной границе современной Челябинской области.

Далее на восток начиналась территория расселения казахов Среднего жуза – племен *кыпчак* и *керей* – южнее совр. Челябинской, Курганской и Тюменской областей; *аргыны, кереи* и *кыпчаки* занимали юг совр. Омской области; *аргыны, уаки* и *кереи* кочевали на востоке Павлодарского уезда, вдоль границ совр. Новосибирской области и Алтайского края. Казахи племени

[3] Знаток родоплеменной структуры казахов Н. Э. Масанов отмечал, что для многочисленных уровней этой структуры в казахском языке существует лишь несколько терминов: ата-баласы (сыновья одного отца, самое низшее родоплеменное подразделение), ру (род), тайпа (племя) и т. д. «Они не имеют четкого смыслового значения и носят нередко универсальный характер. В русском языке такого рода терминов также немного, а их употребление носит искусственный характер» (Казахи 1995: 11). Мы используем принятые в русскоязычной литературе традиционные термины «племя», «род», «колено», а также обобщающий термин «родоплеменное подразделение».

найман населяли Усть-Каменогорский уезд, и уже в последней трети XIX в. часть их переселилась на территорию совр. Кош-Агачского района Республики Алтай.

В настоящее время российские казахи всех приграничных областей (кроме Кош-Агачского района Республики Алтай, о котором скажем ниже) в родоплеменном отношении представляют собой весьма гетерогенную общность, состоящую из множества мелких родовых подразделений как местных, кочевавших тут более 200 лет, так и пришедших в разное время из разных областей Казахстана. Основные волны казахских миграций XX в. в Россию пришлись на начало 30-х и на 90-е гг.

Пример Домбаровского района Оренбургской области дает представление о формировании современного казахского населения, его родоплеменного состава в российско-казахстанском приграничье. В начале XIX в., по сведениям оренбургского генерал-губернатора Г. С. Волконского, в этих местах по рекам Орь, Урал, Илек, Хобда имели летовки казахи Младшего жуза племен *жетыру* (*кердери, тама, жагалбайлы*) и *алимулы* (*шомекей*) (*Муканов* 1991: 16). По рассказам домбаровских старейшин, род *жагалбайлы* (подразделения *есен, бескурек, аккожа, шубаратты, бормантай*) живет тут издавна, так же как и несколько семей казахов Среднего жуза племени *аргын* рода *канжигалы*, потомков одного из воинов Кенесары и Наурызбая Касымовых, который женился на местной казашке из рода жагалбайлы.

Другая значительная группа казахов появилась в этих местах в конце 1920-х – начале 1930-х гг. во время коллективизации в Казахстане и вызванного ею голода. Тогда на территорию Домбаровского района прикочевали казахи из Кустанайской (Средний жуз, племя *аргын*, роды: *таза, акназар, кызмакпал, есназар*), Тургайской и Актюбинской областей (Младший жуз, племя *алимулы*, роды: *торткара, шемекей, шекты*) и из Западного Казахстана – Уральской и Гурьевской областей (Младший жуз, племя *байулы*, роды: *адай, жаппас, алаша, маскар, бериш*). И, наконец, в 1990-х гг. после распада СССР в Домбаровский район стали переезжать казахи из сел и аулов приграничных районов Казахстана, где в период перехода к рыночной экономике сложилась чрезвычайно тяжелая ситуация. Таким образом, родоплеменной состав оренбургских казахов в настоящее время очень разнороден, в связи с чем родовая идентичность утратила свою актуальность, всё более становясь фактом исторической памяти. Не случайно, что родоплеменная принадлежность казахов из Казахстана, прибывших в последние десятилетия, не очень интересует российских казахов (Полевые материалы авторов. Далее – ПМА 1998, Оренбургская обл.[4]).

В отличие от других групп казахи Кош-Агачского района Республики Алтай в связи с изолированностью их географического положения сохраняют стабильность родоплеменного состава. Это в основном казахи Среднего жуза племен *найман* (родов *саргалдак* и *самай*), а также некоторое число казахов *керей* (*абак*) и *уак* (*шога*).

Иноэтничное окружение

Еще одной важной характеристикой казахского населения России является его длительное проживание в инонациональной среде. С одной стороны, казахи уходили в русские села на заработки, переходили расположенные по границе со Степью казачьи линии, отдельные семьи подселялись в русские поселки. С другой стороны, крестьяне из Европейской части России, особенно в начале XX в., стали основывать на казахских летних пастбищах свои поселения.

На территорию того же Домбаровского района во время столыпинской реформы пришли русские и украинские крестьяне-переселенцы, образовав здесь деревни Еленовка, Соколовка, Камсак, Богоявленка. После революции сельсоветы и ТОЗы (товарищества по совмест-

[4] Полная схема ссылки на полевые материалы такая: ПМА год, место проведения полевых работ: фамилия респондента. Для уточнения данных об экспедиции и респонденте см. табл. на с. 24–25 и Список респондентов.

ной обработке земли) формировались по национальному признаку (в районе было 5 аульных – казахских и 4 сельских – русских и украинских сельсовета), но уже в 1930-х гг. стали появляться колхозы со смешанным в национальном отношении населением (колхоз им. Куйбышева составили русские и казахи, «Новая жизнь» – украинцы и казахи) (ПМА 1998, Оренбургская обл.).

В настоящее время все приграничные районы – многонациональные. Большинство иноэтничного окружения казахов составляют русские. Так, в Ясненском р-не Оренбургской области, где казахи образуют большинство, по переписи 2010 г., 56,1 % составляют казахи, 27,0 % – русские, 6,8 % – украинцы, 2,5 % – татары; в Домбаровском р-не: 43,1 % казахов, 39,5 % русских, 6,9 % украинцев, 2,2 % татар, 2,2 % немцев. Населенные пункты, где живут казахи, также многонациональные, хотя в некоторых аулах казахи могут составлять подавляющее большинство. В Шербакульском районе Омской области, к примеру, 16,9 % казахов, 64,5 % русских, а в расположенном на его территории ауле Артакшил проживают только казахи. В Исилькульском районе Омской области 8,5 % казахов, а в находящемся здесь ауле Каскат также практически все жители – казахи.

В отношении этнического состава окружения казахи Кош-Агачского района также отличаются от остальных российских казахов. По данным переписи 2010 г. они насчитывают 9747 чел. (53,4 % населения района). Так же как и остальные российские казахи, кош-агачцы живут в инонациональном окружении, однако этнический состав его другой: в Кош-Агачском районе казахи живут в соседстве с алтайцами и теленгитами (45 %); русские составляют всего 3,2 % (Перепись 2010 по Кош-Агачскому р-ну). Этнографы отмечают некоторые взаимовлияния кош-агачских казахов и теленгитов на уровне традиционно-бытовой культуры (*Тадина* 1996). Укажем еще на одну черту расселения кош-агачских казахов, отличающую их группу от других российских казахов – они живут в изолированном и труднодоступном месте. Район занимает Чуйскую степь, попасть в которую можно по единственной дороге – Чуйскому тракту, через высокогорные плато Укок и Аргут. От районного центра пос. Кош-Агач до ближайшего города Горно-Алтайска 560 км. В отличие от степи и лесостепи, открытых для контактов проживающего там населения, горы способствовали изоляции кош-агачских казахов, сформировали их в сплоченную, обладающую рядом этнокультурных особенностей группу.

Современное изучение казахов России

К настоящему времени этнографами и историками, краеведами и энтузиастами исследованы многие аспекты истории и культуры разных групп российских казахов. Дореволюционная и частично советская история изучения казахов, позволяющая судить и об историографии казахов, проживающих в России, описана достаточно подробно (*Масанов* 1966). Здесь же кратко перечислим поздние советские и постсоветские исследования, посвященные российским казахам, которые проводились в регионах России.

Изучение кош-агачских казахов было положено экспедицией С. И. Руденко 1927 г. (*Самойлович* 1930). В работах 1960-х – 1980-х гг. встречались краткие этнографические сведения об этой группе (см., например: *Кабо* 1974; *Вайнштейн* 1980), было начато исследование особенностей их языка (*Болатов* 1962). Обобщающая монографическая работа, посвященная казахам Кош-Агача, принадлежит А. В. Коновалову, который с 1976 по 1980 г. проводил полевые исследования во всех местах их проживания (*Коновалов* 1986). Изучение казахов Алтая и Южной Сибири сегодня активно проводит И. В. Октябрьская, акцентирующая внимание на вопросах истории и культуры, религиозного сознания, этнической идентичности, отдельных обрядах разных групп алтайских казахов (*Октябрьская* 1997; 1999; 2008а; 2008б; 2011). Исследования по казахам Алтая и их взаимодействию с окружающими народами проводит Н. А. Тадина (г. Горно-Алтайск) (*Тадина* 1996; 2008).

Планомерные исследования казахов Западной Сибири начались в середине 1970-х гг. с экспедиций Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского под руководством Н. А. Томилова и трудов последнего по этнической истории тюркоязычного западносибирского населения, в том числе и казахов (*Томилов* 1981; 1992 и др.). В настоящее время большую работу по изучению казахов Западной Сибири ведет Ш. К. Ахметова (Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН) (2002; библиографию ее работ см.: *Томилов* 2013: 34–36). Подробную историю изучения казахов региона начиная с середины XIX в. также можно найти в статьях Н. А. Томилова и Ш. К. Ахметовой, которые разработали периодизацию этого процесса и дают ссылки на публикации практически всех ученых, работавших среди западносибирских казахов (*Ахметова, Томилов* 2010; *Томилов, Ахметова* 2013). Они проводят не только исследовательскую работу, но и выступают организаторами науки в этом направлении, регулярно проводя конференции международного уровня (например Казахи Омского Прииртышья 2007; Казахи России 2010; Казахи в Евразийском пространстве 2014) и экспедиции совместно с казахстанскими учеными (*Томилов* 2014: 127).

Казахам Саратовской области посвящены труды Г. А. Ташпекова. Он исследовал процессы оседания и окрестьянивания саратовских казахов, историю репрессий и общественных движений, национального образования, а обобщающие исследования построены по монографическому принципу, т. е. охватывают и историю казахов региона, и общественный строй и быт, и социальные и культурные изменения в конце XX – начале XXI в. (*Ташпеков* 2002; 2015).

Современное изучение оренбургских казахов было инициировано государственными органами Оренбургской области. Начиная с 1990-х гг. властными структурами большое внимание уделяется межнациональным отношениям в регионе, в том числе положению казахов как одного из народов, населяющих область, казахско-русским отношениям и т. п. Причем эта работа была поставлена на научную основу. При главе области были созданы совет национальностей, комитет по межнациональным отношениям, организовавший этнополитические мониторинги ситуации (*Амелин* 1997; 1998), информационно-аналитическая служба, проводившая регулярные опросы населения в российско-казахстанском приграничье (*Амелин, Виноградова* 1997; 1998). Эта работа продолжается в НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (*Амелин, Денисов, Моргунов* 2013). В Оренбурге регу-

лярно проводится межрегиональная научно-практическая конференция «Казахи Оренбуржья: история и современность», по материалам которой издаются сборники статей, посвященные истории казахов (например, Вместе на одной земле 2006; Казахи Оренбуржья 2003; Казахи Оренбуржья 2005). В контексте этногеографии региона казахское население изучается Т. И. Герасименко (*Герасименко* 2010). В п. Акбулак Оренбургской обл. проживает местный краевед и активист Торегали Абдулович Казиев. Нетривиальный, неакадемический взгляд на историю в его работах требует вдумчивого прочтения (*Казиев* 2004).

Ведущими исследователями казахов Астраханской области можно назвать В. М. Викторина и А. В. Сызранова. Ключевыми проблемами в их исследованиях стали история, социально-политические структуры и религиозная жизнь казахов области, их взаимоотношения с ногайцами-карагашами (*Викторин* 2008; *Викторин, Идрисов* 2013; *Викторин, Сызранов* 2007; *Сызранов* 2007а, 2007б). Краеведческое изучение казахов Астраханской обл., а также издание материалов по истории казахов Астраханского края и учебника казахского языка для российских казахов связано с именем Г. Д. Урастаевой (*Искаков, Урастаева* 1999; *Урастаева* 2000; 2001).

Авторы данной книги начинали свои исследования российских казахов по отдельности – О. Б. Наумова в 1998 г. в Оренбургской и Саратовской областях (*Наумова* 2000), Е. И. Ларина – в 2005 г. в Самарской области (*Ларина* 2006). С 2006 г. мы работаем над темой вместе и опубликовали ряд статей, проблематика которых составила основу этой книги (*Ларина, Наумова* 2006а; 2006б; 2006в; 2007а; 2007б; 2008а; 2008б; 2009а; 2009б; 2010а; 2010б; 2012а; 2012б; 2013а; 2013б; 2014а; 2014б; 2014в; 2015).

В Казахстане ведущим исследователем казахов России является Ж. А. Ермекбаев. Его многолетний опыт работы в российских архивах (в частности Москвы, Омска, Оренбурга) и собранный документальный материал лег в основу монографии по истории казахов на территории России в советский период, а также различных работ по участию казахов в эпохальных событиях XX в. – Великой Отечественной войне, освоении целины (*Ермекбаев* 1999; 2004; 2007; 2014).

Посольство Республики Казахстан в России дважды издавало биографические сборники о представителях казахского народа, чья жизнь в разное время оказалась связанной с Россией (Казахи в России 2007; 2008). В 2014 г. в Алматы состоялась международная научная конференция, посвященная казахской диаспоре в Центральной Азии, в том числе в России (Казахская диаспора 2014). Сведения по демографии российских казахов и этнолингвистической ситуации в местах их расселения можно найти в последней сводной работе казахстанских авторов по проблемам казахских диаспор (Казахская диаспора и репатриация 2015).

Источник

Полевые материалы и проблема интерпретации

Книга написана на основе полевых материалов, собранных нами во время экспедиционных поездок. Полевые материалы – записи бесед с людьми, наблюдения, сделанные в разных ситуациях – весьма противоречивый источник. Несомненно, он обладает убедительностью очевидца – всё, о чем мы пишем, было увидено непосредственно в месте сбора материала, услышано и записано от наших респондентов. Однако так же несомненно, что увидено было далеко не всё, да и наши собеседники зачастую стремились рассказывать «как должно быть у казахов», а не то, как они поступают сами; какие-то моменты не желали разглашать; что-то хотели приукрасить. В наше время активного интереса общества к этнической культуре и вовлеченности в пространство средств массовой информации и интернета любой собеседник имеет представление о том, что и как надо рассказать про свой народ, поэтому нередко начальная часть общения носила официально-репрезентативный характер, и только после мы могли обсуждать обычную жизнь вне «этнографических» рамок. Такого рода собеседников мы полушутя назвали «профессиональными этнофорами» (в советской теории этноса было предложено представителей своего народа называть «этнофорами»). Таким образом, для нас было важно наладить коммуникацию, минимизировать искажения, вызванные предварительными установками, а иногда и языковой дистанцией, и устранить возникшее недопонимание. В таких ситуациях многое зависит от опыта полевика-этнографа, его умения вести беседу и впоследствии реконструировать картину, как можно более приближенную к реальности. Кроме того, субъективного взгляда самого исследователя при интерпретации полевого материала избежать невозможно. К примеру, существует опасность распространить информацию, полученную от одного или нескольких собеседников, на «всех российских казахов».

Беседа в ауле Артакшил. Омская обл., Шербакульский р-н. 2009 г. Фото О. Б. Наумовой

Это общая для историков, социологов или антропологов ситуация перевода и интерпретации. Во-первых, гуманитарные науки принимают во внимание то адекватное знание, которое содержится в представлениях акторов о своих действиях. Во-вторых, и сами гуманитарные науки являются интерпретирующими дисциплинами. Поэтому очевидно, что наша реконструкция реальности во многом зависит от реакции и представлений наших собеседников. Естественно, мы пытались отслеживать и фиксировать все возможные реакции на то или иное событие или явление, сам процесс интерпретации акторами их действий. Следуя призыву Франсуа Досса, мы принимали всерьез представляемые нам аргументы и не пытались «их принизить или дискредитировать, противопоставляя им свою, якобы более глубокую интерпретацию» (*Досс* 2013: 15). Таким образом, мы стремились следовать интерпретационной парадигме, которая «выявляет значение интерпретации в структурировании деятельности, используя весь концептуальный ряд, все семантические категории, имеющие отношение к действию: интенции, волю, желания, мотивы, чувства и т. д. …при этом повышается значение повседневности и самых разнообразных форм социальной жизни» (*Досс* 2013: 16).

Место и время поездок

В 1998, 2005–2012 гг. вместе и по отдельности мы вели полевые работы в местах расселения российских казахов. Наше исследование охватило большую часть территории с компактным проживанием казахов вдоль российско-казахстанской границы: в Астраханской, Волгоградской, Саратовской, Оренбургской, Курганской, Омской областях, а также в Кош-Агачском р-не Республики Алтай.

Маршруты экспедиционных поездок 1998–2012 гг.

Год	Участники	Область	Города	Районы	Населенные пункты
1998 июнь–июль	О. Б. Наумова	Оренбургская Саратовская	Оренбург, Орск, Саратов	Домбаровский	Домбаровка
				Новоузенский	Новоузенка, Петропавловка
2005 июль	Е. И. Ларина, студенты кафедры	Самарская	Самара	Нефтегорский	Нефтегорск, Утёвка, Дмитровка
				Большеглушицкий	Большая Глушица
				Красноярский	Чапаево
				Кинельский	Казахский
				Большерчниговский	Большая Черниговка, Кошкин

Год	Участники	Область	Города	Районы	Населенные пункты
2006 июнь	Е. И. Ларина, О. Б. Наумова	Республика Алтай		Кош-Агачский	Кош-Агач, Жана-Аул, Чаган-Узун, Джазатор, Чапаево (Теленгит-Сортогой), Тобелер
2006 август	Е. И. Ларина, О. Б. Наумова, студенты кафедры	Оренбургская	Оренбург, Соль-Илецк, Ясный	Акбулакский	Акбулак, Советское, Весёлый 1
				Илекский	Димитровский, Суходольное 3-е отд., Братский 2-е отд.
				Беляевский	Жанаталап, Новоорловка
				Домбаровский	Домбаровка, Прибрежный, 2-е отд. совхоза «Заря»
				Ясненский	Ясный
				Адамовский	Адамовка, Карабутак, Нижняя Кийма, 2-е отд. Новосовхозный, Обильное
2007 август	Е. И. Ларина, О. Б. Наумова, студенты кафедры	Астраханская	Астрахань	Красноярский	Байбек, Малый Арал
				Володарский	Володарский, Алтынжар, Егинаул, Казённый бугор, Камардан, Коровье, Новый Рычан
2008 июль–август	Е. И. Ларина, О. Б. Наумова, студенты кафедры	Саратовская	Саратов, Маркс	Александрово-Гайский (Алгайский)	Александров Гай (Алгай), Таловская, Сысоевский, Приузенский, Васильки 1, Луков Кордон, Канавки
				Новоузенский	Новоузенск, Дюрский, Дмитриевка, Первомайское (1-е и 2-е отд.), Алгайский
				Питерский	Питерка, Нива
				Ивантеевский	Ивантеевка
				Марксовский	Караман
2009 июль–август	Е. И. Ларина, О. Б. Наумова, студенты кафедры	Омская	Омск	Исилькульский	Каскат, Кромы, Евсюки
				Шербакульский	Артакшил
				Таврический	Коянбай
2010 июнь	Е. И. Ларина	Омская	Омск		
2011 август	Е. И. Ларина, О. Б. Наумова, студенты кафедры	Курганская	Курган	Макушинский	Макушино, Обутковское
				Петуховский	Петухово, Октябрьское, Новогеоргиевка, Воробьи, Зотино
				Половинский	Яровое, Жилино, Филиппово
2012 сентябрь	Е. И. Ларина, студенты кафедры	Волгоградская	Волгоград	Николаевский	Путь Ильича
				Палласовский	Палласовка, Эльтон, Вишнёвка, Савинка, Кумысолечебница

Методика сбора полевого материала

Исследования проводились в основном маршрутным или кустовым методами: мы переезжали из аула в аул, работая в каждом от нескольких дней до двух недель, или же постоянно проживали в одном населенном пункте, выезжая на несколько дней в другие поселки района. Методика как маршрутных, так и кустовых исследований имеет очевидные недостатки, главный из которых – недостаточная глубина наблюдений, достигаемых в стационарных полевых экспедициях. В таких условиях (которые диктовались главным образом вненаучными обстоятельствами, а именно возможностью финансирования экспедиций) мы сознательно оставили за бортом темы, требующие длительного повседневного и круглогодичного наблюдения над жизнью аульчан, такие, например, как взаимоотношения в семье или социальная структура локальной общности. В своей работе мы сосредоточились на отдельных социо- и этнокультурных аспектах – социальной и религиозной традициях и обрядовой сфере. Можно сказать, что они были подсказаны самими российскими казахами в первых же наших поездках: собеседники сами начинали разговоры на эти темы, охотно и заинтересованно отвечали на вопросы. Это в значительной степени облегчило нам задачу сбора материала в условиях ограниченных временн*ы*х сроков.

Некоторый круг проблем и примерные варианты вопросов были изданы в виде опросника для неформализованных интервью. Любопытно, что он был необходимым инструментарием не только для студентов, но и делал понятными для сотрудников разного уровня администрации цели нашего исследования, в вопроснике как бы декларировались наши намерения (*Ларина* 2009).

Организация полевой работы

Схема организации полевых исследований сложилась следующим образом: устанавливался контакт с областной национально-культурной организацией казахов, совместно с которой затем разрабатывался маршрут исследования по районам той или иной области. Роль общественных организаций переоценить довольно трудно. И дело здесь не только в организации и планировании маршрута, которые мы нередко составляли сами. Взаимодействие с НКО придавало нашему статусу ученых-исследователей дополнительный авторитет и весомость в глазах населения, поскольку мы становились своего рода гостями руководителей организаций. Такое положение имело очевидные достоинства и недостатки. С одной стороны, нам доверяли и перед нами были открыты все двери, наша деятельность приобретала легитимный характер в глазах населения и власти, нам легче было проводить экспертные интервью. С другой стороны, как и положено гостям, иной раз мы испытывали на себе все тяготы прославленного казахского гостеприимства – обильные дастарханы возникали не всегда к месту и времени (особенно за полночь). Мы испытывали неловкость перед хозяевами, вынужденными потратиться на застолье. Гораздо приятнее было оказаться на празднике случайно, или устроить его там, где мы жили продолжительное время, поскольку и мы могли принять участие в его подготовке. Обычно наш приезд предварял звонок из областного города или райцентра, а толкование этого звонка могло быть различным.

Вот, например, одновременно грустный и смешной случай из Саратовской области. Мы приехали в одно поселение, в котором как следует подготовились к нашему приезду. Накрыли изобильный и немного чрезмерный дастархан, сварили бешбармак. За дастарханом собралось всё пожилое население, главным образом бабушки, а также местный аксакал. Мы почувствовали, что обидели хозяев, когда отказались от выпивки, как будто немного упал градус радости. Как положено, завязалась беседа. Обычай казахов не спрашивать гостя в лоб, откуда, куда

и зачем он направляется, был соблюден и на этот раз – о нас знали лишь то, что было сообщено по телефону (конечно, мы не знаем, кто и что о нас говорил). И вот все бабушки по очереди стали рассказывать о своей жизни и проблемах с маленькой пенсией, здоровьем и пр. так, если бы им заранее назвали несколько вопросов, которые могут нас заинтересовать. И вдруг одна бабушка расплакалась, стала рассказывать, что ей пришла квитанция на оплату налога за дом, сгоревший пять лет назад, а хозяин умер, а ей за восемьдесят. Конечно, наше сердце сжималось от сочувствия и беспомощности. Оказалось, что бабушки ждали от нас помощи – они приняли нас за социальных работников, поэтому так подробно говорили о своих бедах. Когда же поняли, что мы историки, то испытали разочарование от напрасных ожиданий: «Я в огороде была. Вон… бежит, говорит, давай одевайся, там гости приехали. Кто приехал? Какие гости? Я переоделась и бегом сюда». В другой раз к нашему приезду аксакалов и пожилых женщин собрали в доме культуры, нам предложили выступить и задать вопросы. Пришлось быстро сориентироваться, что-то рассказать; мы с удовольствием посмотрели документальный фильм пятидесятилетней давности об этом селе. К счастью, нас было несколько человек, и каждый из нас смог пообщаться с доставшимся собеседником.

Таких случаев в нашей практике было немного, но всякий раз мы испытывали и моральные, и профессиональные муки – невозможно работать с группой людей, специально собранных для нас – не сложится никакая задушевная беседа. (Изредка покровительство НКО создавало препятствия и другого рода. Люди, настроенные оппозиционно, критически, старались «держать язык за зубами», предполагая, что мы можем передать информацию руководителям, администрации.)

Беседы в клубе. Саратовская обл., Новоузенский р-н, с. Дмитриевка. 2008 г. Фото А. Е. Андреевской (Солдатовой)

Большинство записанных нами интервью – более или менее продолжительные беседы один на один или с небольшой группой собеседников, обычно у них дома, иногда на рабочих

местах – в школах с учителями, в музеях, в сельских администрациях с сотрудниками и т. д. Бывало, что беседа завязывалась на базаре, в транспорте или прямо на улице, поэтому не всегда была возможность фиксировать год рождения, профессию, а иногда даже имя собеседника. Записи делались в тетрадях или на диктофон. В работе мы много цитируем наших информаторов, чтобы, с одной стороны, дать читателю почувствовать голос самих российских казахов, сохранить человеческое измерение материала, с другой – подтвердить нашу интерпретацию тех или иных этнокультурных явлений. В большинстве случаев люди с готовностью и открыто отвечали на наши вопросы, рассказывали историю своих поселений и семей, описывали обычаи и традиции. Поэтому в ссылках мы полностью указываем фамилию собеседников, а в конце приводим список наших информаторов – людей, к которым относимся с большим уважением и которых можно назвать соавторами этой книги. Однако в некоторых случаях – при щекотливых или неоднозначных ситуациях – мы ограничиваемся инициалами по той причине, что не заручались согласием собеседников на цитирование их слов или опасаемся невольно причинить им неприятности. (Такая практика нередка среди исследователей. См.: *Абашин* 2005: 18.)

Каждый раз, входя в новый дом, мы просили рассказать личную историю и историю семьи, говорили «о старине» и «за жизнь». Мы были открыты времени и смене поколений, вписанной в ход истории. Нам были важны индивидуальные ментальные представления и индивидуальные стратегии, из которых впоследствии складывались коллективные представления. С одной стороны, следуя канонам советской этнографической школы, мы старались возможно точнее описывать ту или иную традицию, ритуал. С другой, нам было важно понять, что означали эти ритуалы и традиции, какова их «символическая эффективность», по словам Клода Леви-Стросса (*Lévi-Strauss* 1949), поэтому в каждом индивидуальном случае записывали толкование традиции наряду со всеми рефлексиями акторов. Будучи приверженцами изучения повседневности вслед за Карло Гинзбургом или Карло Пони, мы интересовались пограничными и нетипичными, индивидуальными случаями, через них изучая проблему.

Для нас была важна не история и этнография народа вообще, «национальная история», а индивидуальная память об истории, «следы» истории, как их называет Пьер Нора (*Nora* 1993), оставленные в памяти фактами, людьми, символами прошлого, через которые устанавливается связь прошлого с обретшим полновесность настоящим. По словам Нора: «Это уже не предпосылки, а их результаты; не оставшиеся в памяти и даже не памятные деяния, а следы этих деяний и процесс их увековечивания; не события как таковые, а конструирование их с течением времени, забвение и переоценка их значения; не прошлое, каким оно было, а постоянное обращение к нему, использование его и злоупотребление им, его присутствие в настоящем; не традиция, а то, каким образом она создается и передается» (*Nora* 1993: 24). Таким образом, индивидуальная память наших респондентов становилась источником коллективного переосмысления не только прошлого, но и настоящего.

В концепцию П. Нора помимо «коллективной памяти» и «следа» входит понятие «мест памяти», в которых «притаилась» память. Это – материальные объекты, превратившиеся в культурные символы. Если раньше память была естественной и передавалась из поколения в поколение, то с исчезновением в результате модернизации групп – носителей естественной памяти, по преимуществу крестьянства, естественная связь с прошлым была утрачена. Нора декларирует: «О памяти столько говорят потому, что ее больше нет» (*Нора* 1999: 17). Теперь это продукт политических манипуляций, государственных ритуалов и культов, транслируемый в общественное сознание через систему образования, литературу, искусство, прессу. И поэтому важной составляющей становится «изобретение наследия». В нашем случае на первый план выходила самоорганизация общества, «изобретение наследия» снизу, изнутри, без доминирующего участия внешнего фактора. И поле предоставляло такой материал – будь то самоуправление через советы аксакалов или почитание мест захоронений предков на месте

исчезнувших аулов. Устные истории дополнялись индивидуальными практиками по созданию символов и мест памяти.

Глава первая. Постсоветские казахские миграции в российско-казахстанском пограничье и этническая самоидентификация российских казахов

Общественно-политические и социально-экономические сдвиги начала 1990-х гг. побудили множество людей в России и Казахстане в поисках лучшей доли двинуться на новое место жительства. Одни, стремясь уйти от межнациональной напряженности, переселялись на историческую родину, других тяжелое экономическое положение вынуждало искать средства для жизни в чужих краях. В тот период в полосе российско-казахстанского фронтира миграционные потоки казахов пересекали границу в обе стороны и в отдельные годы достигали довольно значительных размеров.

В это же время во вновь образованных суверенных государствах происходила резкая смена идеологий, и миграции оказались связаны с этим процессом двояким образом. С одной стороны, стихийное, «снизу», образование миграционных потоков получило отражение в попытках идеологической самолегитимации новых государств. С другой стороны, возникновение этих потоков во многом было спровоцировано «сверху» – словами и делами политиков. К концу 1990-х гг. идейный хаос уступил место более или менее оформленным национальным идеям: в РФ – русской/российской, в Казахстане – казахской/казахстанской. В последние годы эти идеи обрели очертания стройных концепций. Они сходны между собой в том смысле, что в основе обеих лежат экономический рост и обеспечиваемое им относительное благополучие жителей России и Казахстана, доступное гражданам независимо от национальности и вероисповедания.

В казахстанской концепции, которая в определенной степени повлияла на миграционное поведение российских казахов в конце 1990-х – начале 2000-х гг., до последнего времени приоритетное значение имела задача увеличения в населении государства абсолютной и относительной численности казахов. Условно ее можно назвать целевой установкой на «коренизацию» населения страны. На решение этой задачи была направлена политика возвращения казахов из-за рубежа. Законом Республики Казахстан от 13 декабря 1997 г. «О миграции населения» вводилось понятие *оралман*. Оралманы – это «иностранцы или лица без гражданства казахской национальности, постоянно проживавшие на момент приобретения суверенитета Республикой Казахстан за ее пределами и прибывшие в Казахстан с целью постоянного проживания» (Закон Республики Казахстан 1997)[5]. Вслед за законом была разработана «Концепция репатриации этнических казахов на историческую родину». В ней «увеличение численности и естественного прироста населения, оздоровление демографической ситуации в стране» напрямую увязывалось с возвратом «этнических казахов на историческую родину» (Постановление 1998).

Таким образом, государство инициировало возвращение казахов; казахстанским обществом реэмиграция казахов тоже в целом оценивалась положительно. Другое дело, что из-за отсутствия действенных механизмов осуществления политики реэмиграции переселенцы

[5] См. также: www.mvd.kz. В более широком смысле под оралманами понимаются «лица коренной национальности, изгнанные за пределы исторической родины и лишенные гражданства в силу актов массовых политических репрессий, незаконной реквизиции, насильственной коллективизации, иных антигуманных действий, добровольно переселяющиеся в Республику Казахстан. Это относится также и к потомкам репатриантов (оралманов). В зависимости от страны исхода этнические казахи имеют статус “репатрианта”, “репатрианта-оралмана”, “беженца-репатрианта” и др.» (*Садовская* 2001: 116). На русский язык слово «оралман» переводят как «соотечественник», хотя в настоящее время оно настолько широко используется в политическом лексиконе, что часто его употребляют и без перевода. Интересно, что у российских казахов мы встречали его толкование как «возвращенец».

столкнулись с острыми земельными и жилищными проблемами, сложностями адаптации. Такое положение дел давало основание для критических высказываний не только по поводу проведения политики, но и идеи реэмиграции вообще. Так, популярный журналист Элем Байден считал «государственную программу по возвращению этнических казахов… фатальной ошибкой» (*Байден* 2005) и даже отождествлял программу с «экспортом терроризма», поскольку «в основе всякого экстремизма и терроризма лежит ущемление прав личности и группы людей», а положение оралманов как раз характеризовалось таким ущемлением. Он приводил и другие аргументы «против»: слабость экономики Казахстана, неспособной удовлетворить самих казахстанцев; «многими оралманами движет не чувство Родины, а простое стремление к лучшей жизни»; глубокая религиозность значительной части оралманов может способствовать быстрой исламизации Казахстана; зарождающееся у них чувство превосходства над остальными казахами, основывающееся на лучшем знании языка и традиций, грозит внутриэтническим расколом.

Невзирая на критику, государство с каждым годом увеличивало расходы на реэмиграцию. В 2004 г. в Послании народу Казахстана президент Н. А. Назарбаев подчеркнул: «Мы… должны стимулировать дальнейший приток населения в страну, поэтому квоту иммиграции оралманов в 2005 году надо увеличить до 15 тысяч семей. Для их переселения и приобретения жилья следует выделить 9,8 миллиардов тенге» («Послание» можно посмотреть на: www.evrazia.org). В таком размере квота была установлена на каждый год из трехлетия 2005–2007 гг. В Послании 2006 г. президент впервые подчеркнул необходимость «создания условий по предварительной подготовке в специальных центрах, адаптации и интеграции оралманов» (*Назарбаев* 2006: 29).

В апреле 2014 г. министр труда и социальной защиты населения Тамара Дуйсенова озвучила цифры по этнической миграции. С 1991 г. в Казахстан прибыло более 944 тыс. оралманов, сейчас их сегмент составляет 5,5 % от общего числа населения. Основными регионами расселения оралманов являются Южно-Казахстанская (21,2 %), Алматинская (16 %), Мангыстауская (12,9 %) и Жамбылская (9,4 %) области. Из прибывших оралманов 74 % являются выходцами из стран СНГ. Это в основном Узбекистан, Туркменистан и Россия. Еще 26 % прибыли из стран дальнего зарубежья, преимущественно из Монголии и Китая. Сейчас в странах СНГ и дальнего зарубежья проживают 3,2 млн этнических казахов: 1,8 млн человек в странах СНГ и 1,4 млн человек в странах дальнего зарубежья (Оралманы смогут получить гражданство Казахстана за год 2014).

К настоящему времени поток мигрантов-казахов в Казахстан снижается, а организации оралманов высказывали опасения, что, возможно, поток переселенцев иссякнет вовсе (Оралманов в Казахстан прибывает всё меньше 2013). Меняется и политика государства по отношению к реэмигрантам. В 2013 г. Президент Нурсултан Назарбаев подписал закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам трудовой миграции», в котором в частности отменялись квоты иммиграции оралманов, менялось также определение самого понятия «оралман» (Оралманов в Казахстане больше не будет 2013).

Российские казахи хорошо осведомлены о государственной политике Казахстана в отношении мигрантов-казахов. Однако граница России с Казахстаном настолько протяженна, что, естественно, на такой обширной территории миграционные процессы не были и не могли быть совершенно схожими. Направление казахских миграций на западных, степных, участках российско-казахстанской границы зачастую было противоположным передвижениям казахов на ее восточных, горных, участках. Политика Казахстана, о которой речь шла выше, в определяющей степени повлияла на миграционное поведение казахов Кош-Агачского района Республики Алтай: в конце 1990-х гг. они массово переезжали в Казахстан, на «историческую родину». В это же время, вопреки политике реэмиграции, в западных частях российско-казах-

станского пограничья российские казахи практически не уезжали из России; напротив, в Россию шел приток казахов из Казахстана. В начале 2000-х гг. миграционные потоки поменяли свое направление. Рассмотрим эти территориальные потоки подробнее.

Миграции казахов на западе российско-казахстанского пограничья

1990-е гг. Из Казахстана в Россию

Российские и казахстанские казахи степных приграничных районов тесно связаны, практически все российские казахи имеют родственников или знакомых в пограничных районах Казахстана. Многие еще в советские времена учились в Казахстане, многие связаны брачными узами. До недавнего времени эти контакты поддерживались частыми взаимными гостеваниями. С установлением государственной границы поездки в гости стали не так часты из-за трудностей ее пересечения. В середине 2000-х гг. оренбургские казахи отмечали, что «тогда (в советское время. – *Е. Л.,О. Н.*) вольный ход был», а теперь его нет. Но, несмотря ни на что, поездки продолжались. Казахстанские и российские казахи прекрасно осведомлены об экономическом положении, вообще о жизни в приграничных районах – и миграционные потоки чутко и довольно быстро реагировали на изменения экономической ситуации по ту и другую сторону границы.

В России далеко не все понимают, что казахи – коренные жители российско-казахстанского пограничья – астраханских, оренбургских, саратовских степей. Сложность осознания этого факта обусловлена спецификой традиционного жизнеобеспечения казахов. Они появлялись на этих территориях в летнее время – приходили сюда на свои летние стоянки вдоль небольших рек, таких как, например, Илек, Джарлинка, Кийма в Оренбургской области. Вдоль этих рек находятся древние родовые кладбища казахов. На зиму же казахи уходили на территорию современного Казахстана. А центрами притяжения казахской кочевой округи были города Оренбург, Актюбинск, Уральск.

Такой ритм передвижения был органичным для казахов, пока у них сохранялся кочевой хозяйственный тип жизнедеятельности. С изменением же образа жизни в XX в. – переходом кочевников на оседлость в результате политики форсированной седентаризации и коллективизации, и, как следствие, с распространением оседлого животноводства и зерноводства, а в последующие годы – с освоением целины и созданием агропромышленных комплексов – естественным образом ушла в прошлое и перекочевка. Ее наследие – распыленность близких родственников в ареале прежнего кочевания. Установление границы разделило этих людей и на межгосударственном уровне. Однако и сегодня супруга зачастую выбирают, находясь в гостях у родственников в России или Казахстане. Нередко в казахских семьях один из детей заводит семью в Актюбинске, другой – в Оренбурге. Всё это также создает почву для частых миграций казахов.

Между переписями 1989 и 2002 гг. был отмечен прирост казахского населения во всех контактных зонах западного приграничья. В Астраханской области с 126 500 до 142 633 (+12,7 %); в Волгоградской – с 41 500 до 45 300 (+9,1 %); в Саратовской области – с 73 428 до 78 320 (+6,7 %); в Самарской – с 14 233 до 14 918 (+4,8 %); в Оренбургской области – со 111 477 до 125 568 (+12,6 %) (Демоскоп weekly; Этнокультурный облик 2007: 119, 185, 194, 256, 384–385, 407).

Цифры, взятые из официальных данных о количестве казахов-мигрантов, в 1990-х гг. переселившихся из Казахстана в Россию, невелики: в 1997 г. – 6432 человека, в 1998 – 4906, в 1999 – 2507, в 2000 – 2136 человек (*Тарасова* 2004: 97). В Оренбургской области за период 1992–1998 гг. было зарегистрировано около 2 тыс. казахов-мигрантов (*Наумова* 2000: 68). В действительности их было в несколько раз больше. Подавляющее большинство казахских мигрантов того времени не учитывалось статистикой. Ведь они не регистрировались в мигра-

ционных службах и, приезжая «погостить к родственникам», оставались на несколько лет или навсегда (*Наумова* 2000: 67–71; *Ларина* 2006). В той же Оренбургской области только в Ясненский район с 1991 по 2005 г. мигрировало более 300 семей (*Баймагамбетов, Сейтенова* 2005), о большом притоке в 1990-х гг. казахов из Казахстана нам рассказывали и в Акбулакском районе. В районном центре Домбаровском казахи-переселенцы из вымирающего поселка Кушинсай Актюбинской области заняли почти всю улицу Стахановскую. А на окраине города Соль-Илецка возник поселок переселенцев из Казахстана (главным образом казахи рода *табын* из Хобдинского района Актюбинской области), названный местными жителями «Назарбаевкой». По мнению одного из соль-илецких местных казахов, «актюбинские» приехали потому, что «*там в 90-е годы ни света, ни работы не было. Они демократии не выдержали*». А вот слова пожилой казашки из числа перебравшихся в Соль-Илецк: «*В 1995 приехали. Тогда всё распалось в Казахстане. Первое – света и медицины не стало. Я упала и потеряла сознание – инфаркт был. Надо было сюда переехать, мне так в больнице и сказали*».

Похожая миграционная ситуация сложилась в 1990-х гг., по нашим наблюдениям, и в пограничных с Казахстаном областях Поволжья. Там тоже главной причиной миграций казахов было тяжелое положение в Казахстане: колхозы и совхозы распущены, работы нет, в населенные пункты не подаются электричество, газ, вода, закрылись школы и медпункты (см. подробнее: *Наумова, Сагнаева* 2006). Случаи же обратной миграции казахов – из приграничных областей России в Казахстан – были в те годы единичными. Уезжали в основном квалифицированные специалисты; направлялись они преимущественно в ближайшие города северного Казахстана, в частности в Уральск, и не столько к родственникам, сколько туда, где им было гарантировано место работы по личной договоренности с директорами действующих предприятий.

Необходимо отметить одну качественную особенность миграции казахов в российско-казахстанском пограничье: они не нанимались на те работы, на которых были заняты среднеазиатские мигранты и отчасти мигранты с Кавказа. Например, они никогда не участвовали в «армянстрое» – так в Самарской области называют интернациональные строительные бригады, где бригадирами являются чаще всего украинцы, а рабочими – узбеки, таджики или армяне. За исключением чабанов, не было казахов и среди мигрантов, использовавшихся директорами совхозов, в том числе казахами, на сельскохозяйственных работах. Вероятно, объясняется это тем, что у казахов из пограничных районов примерно тот же уровень образования и культуры, что и у местных русских, а значит и одинаковые с русскими предпочтения в сфере занятости.

Казахстанские казахи перебирались, как правило, туда, где жили их родственники, что обеспечивало переселенцам хотя бы минимальную поддержку. Ведь впереди их ожидали трудности, связанные с получением регистрации и гражданства, следовательно, работы и жилья. Вот, к примеру, история молодых супругов с двумя детьми из г. Соль-Илецка Оренбургской области. Они прибыли из Актюбинской области в середине 1990-х гг. вместе с родителями мужа и жены. Родители жены были казахами, родившимися в России, поэтому получили регистрацию без проблем, а вот сами информаторы – только в 2006 г., через десять лет после переезда в Россию. Без гражданства их не брали на работу, и им приходилось жить на пенсию родителей. Другой пример – история Сергали Мухамбетова из поселка Прибрежный Домбаровского района Оренбургской области. С женой и пятью детьми он переехал из Актюбинской области в 2000 г. по договоренности с директором Домбаровского совхоза и пять лет проработал чабаном в одном из отделений (тогда все животноводческие совхозы испытывали крайнюю нехватку чабанов). Однако получить российский паспорт ему не удавалось шесть лет. В России детям пришлось пойти в школу на класс ниже, так как они плохо знали русский. И в Самарской области при незначительном числе казахов-переселенцев, в основном сравнительно молодых людей, многие из них не могли найти работу в сельской местности даже с потерей статуса.

Далеко не у всех сразу решался вопрос с жильем. Кто-то по приезде жил в землянках[6], кто-то снимал квартиру. В 1996 г. ее аренда обходилась в 60 руб. в месяц: «*Тогда не особо драли*». Но уже после того, как им удавалось обустроиться, к ним, как правило, переезжали родители.

Лучше устраивались казахи-мигранты в Соль-Илецке. Он притягивал возможностью заработать – не столько на соляном заводе или на железной дороге, сколько в курортном «бизнесе». Дело в том, что этот небольшой город расположен у соленого озера, известного своими целебными свойствами и даже почитающегося святым местом. Лечиться на него приезжают люди самых разных национальностей – и русские, и башкиры, и татары, и те же казахи, причем подчас издалека. В результате здесь собирается множество «курортников», сдача жилья которым приносит хороший сезонный доход. Так, в 2006 г. одно «койко-место» с подселением и минимальными удобствами обходилось приезжему в 230 руб. в день. Кроме того, многие переселенцы зарабатывали в этом курортном месте торговлей. Судя по благоустроенным и хорошо обставленным домам в «Назарбаевке», их заработок был очень неплохим. В этой связи произошли даже некоторые изменения в представлениях казахов о мужских и женских занятиях: по свидетельствам наших респондентов, мужчины вставали за прилавок. Состоятельные мигранты, видимо, могли свободно строить себе жилье, так как в Соль-Илецке «*никто их не гонял… люди как муравьи – сразу дома стали строить*». Ко времени нашей поездки в 2006 г. торговые доходы резко сократились из-за конкуренции с оптовиками – узбеками и таджиками, которые везли более дешевый товар из Китая, и с торговцами из числа местных жителей, закупавшими товар в крупных российских городах, в том числе в Москве.

А вот из Казахстана в то время товар не очень-то можно было завезти, так как его либо изымали на таможне, либо процедура провоза через таможню делала его слишком дорогим. Да и в очереди на границе приходилось стоять минимум четыре часа. Раньше самарские и саратовские казахи, будь то мелкие и средние предприниматели или обычные потребители, у которых есть родственники по ту сторону границы, имели обыкновение покупать свежую рыбу в Уральске, где экологическая ситуация лучше, чем на Волге. Вдобавок Уральск расположен намного ближе к районам с компактным проживанием казахов, чем та же Самара, и именно через Уральск на Самару проходит новое международное шоссе. Там же закупали и мясо. Понятно, что стало происходить с этими скоропортящимися продуктами после долгого ожидания на границе.

В конечном счете, из-за ужесточения в середине 2000-х гг. таможенного контроля казахи из приграничных районов стали всё реже ездить в Казахстан за мелким оптом. А ведь эти поездки имели для них не только экономическое значение. Практически любая поездка включала визит к родственникам. С рынка Уральска везли также предметы, имеющие отношение к казахской национальной культуре: тюбетейки, женские расшитые безрукавки, реже *шапаны* (халаты), кукол в национальных костюмах, компакт-диски с записями намаза на арабском и казахском языках.

Помимо трудностей с обустройством, казахи-переселенцы из Казахстана сталкивались и с языковыми проблемами. Они попадали в русскоязычную среду приграничных районов, где независимо от этнического состава населения обучение в школах давно было переведено на русский язык. Сами же эти переселенцы были выходцами в основном из сельской глубинки Актюбинской, Кустанайской, Западно-Казахстанской областей. В небольших поселках трех сопредельных с Оренбуржьем областей Казахстана, откуда они прибывали, местное население почти не говорило по-русски. Плохое знание русского мешало казахам-мигрантам при устрой-

[6] Имеются в виду дома из самана – сырцового кирпича из глины с добавлением соломы. Они были распространены у казахов по всему Поволжью и Западной Сибири. Но если в Самарской области такие дома уже редкость, то в Оренбургской встречаются повсеместно, там до сих пор строят новые саманные дома. При этом нередко сначала возводят «саманную коробку», которую затем обкладывают кирпичом. Такая конструкция, во-первых, удешевляет жилище, так как меньше расходуется кирпича, а во-вторых, сохраняет экологические свойства дома – зимой в нем тепло, а летом он сохраняет прохладу.

стве на работу, их дети без предварительной подготовки не могли учиться в школах, почему их и брали на класс младше. Однако некоторые информаторы отмечали, что плохое знание русского языка не было препятствием в общении на бытовом уровне: «*Там* (в Казахстане. – *Е. Л., О. Н.*) *я закончил десять классов казахской школы. У нас ни одного русского не было. Мне тяжело немножко было. Русский народ не смеется, слушает, сразу понимает. Это казахи немножко смеются*».

2000-е гг. Из России в Казахстан

С середины 2000-х гг. миграционные потоки на западных участках российско-казахстанского пограничья меняют свое направление. В это время для степной зоны стал характерен скорее миграционный отток казахов в Казахстан, чем их приток в Россию. Об этом свидетельствуют наши полевые наблюдения: если с середины 1990-х гг. приток казахов-мигрантов в Оренбургскую область был очень ощутимым, то с 2000 г. он сильно ослаб и почти прекратился. В середине 2000-х гг. численность казахов, уезжающих из России в Казахстан, практически сравнялась с количеством приезжающих в нее из Казахстана. Правда, председатель комитета по межнациональным отношениям администрации Оренбургской области В. В. Амелин считал, что возвратное – из России в Казахстан – направление миграции в то время не представляло собой «даже тенденции», ибо село в Казахстане по-прежнему «лежало», а российская сельская местность обладала развитой инфраструктурой, следовательно, объективных причин для отъезда казахов не было[7]. Однако наши беседы с информаторами в 2006 г. показывали, что случаи переселений в Казахстан приобретали массовый характер, еще больше казахских семей планировали переезд.

Основным фактором миграций оставался экономический. В Казахстане условия для развития малого и среднего бизнеса были лучше, чем в России, и те, кто не смог преодолеть бюрократических препон на пути к созданию своего дела в России, пытались сделать это в Казахстане. В российских же селах приграничной полосы экономическая ситуация по сравнению с серединой 1990-х гг., по словам наших информаторов, ухудшилась. Поэтому-то казахи, в 1990-х гг. переехавшие в Россию, стали возвращаться в Казахстан; но уезжали они не в сельские районы, еще не оправившиеся от аграрных реформ, а в «нефтяные» города Западного Казахстана. Так, из Оренбургской области они перебирались в Уральск, Аксай[8], Актюбинск. «*Говорят, в Актюбинске кредит дают, подъемные. Сам не знаю. Сын переехал только что. Говорит, работы много. В Оренбурге есть работа, но с жильем трудно*» – рассказывал один из оренбургских собеседников.

Первыми стали уезжать казахи, в 1990-е гг. приехавшие из Казахстана. Вот мнение жителя Акбулака: «*В 1990-е годы приезжало много казахов из Актюбинской области. Там были трудности экономические. А сейчас они все практически уехали обратно. Потому что здесь – безработица. Из 1500 домов 600 продается*». Конечно, не все 600 семей отправлялись в Казахстан, кто-то уезжал в российские города.

Другой причиной возвращения казахстанских казахов были трудности с обустройством в России. Раньше люди приезжали в Россию со своим скотом, сравнительно быстро получали земельный участок и, потерпев несколько лет, – гражданство. В 2000-х гг. процедура оформления любых документов ужесточилась. Очень непросто стало построить дом. В Соль-Илецке, некогда притянувшем столько мигрантов, земля стала продаваться на аукционе по коммерческой стоимости, это 150-200 тыс. руб. за 6–10 соток. По словам наших собеседников, чтобы

[7] Это мнение он высказал в личной беседе с авторами в августе 2006 г.

[8] Город в Западно-Казахстанской области, где в то время был большой спрос на рабочие руки в связи с разработкой нефтегазового месторождения.

провести в дом газ, надо было заплатить от 60 тыс. руб. и выше, чтобы провести электричество – 500 тыс. Многие дома, построенные в начале 2000-х гг., в 2006 г. стояли без света, из-за чего их практически невозможно было продать.

Уезжали и коренные российские казахи: у части из них государственная политика Казахстана по возвращению оралманов находила отклик. Собеседники-казахи в Оренбургской области рассказывали нам о том, как во время гостевания в Казахстане самые разные люди – необязательно родственники или друзья – зазывали их вернуться. Например, у тренера акбулакской детской спортивной школы по боксу, этнического казаха, такой разговор состоялся в Кзыл-Орде, куда он привез детей на турнир. Его спросили, какого он рода, и выяснили, что его ру, т. е. родовое подразделение, – кете.

> *Потом вечер был в кафе, я один был из России. Они спрашивали: «Не хочешь ли в Кзыл-Орду переехать? Кете здесь мало». – «Нет, спасибо, у меня родина Россия; мне не надо».*

Казашка из села Жанаталап Беляевского района рассказала такой эпизод. Она приехала в Уральск навестить дочь, попавшую в больницу:

> *Меня мужики казахстанские спрашивали, не хочу ли я переехать? Я ответила, что моя родина в России. Тогда они назвали меня «кангубжырсын» – вроде как «бродяга». Вон зятю, может, не нравится* (зять из Бутурлинского района Западно-Казахстанской области, присутствовал при интервью. – *Е. Л., О. Н.*), *а мне в России нравится жить.*

Или вот рассказ председателя национально-культурного общества казахов Адамовского района Б. К. Уразымбетова:

> *Я возвращался с Курултая* (всемирного Курултая казахов в 2001 г. в городе Туркестан на юге Казахстана. – *Е. Л., О. Н.*) *в поезде с одним певцом известным, он мне автограф написал: «Агай, возвращайся на родину!» А моя родина в Баймурате* (деревня в Оренбургской области. – *Е. Л., О. Н.*). «*Оралманы» – «возвращенцы». Я не люблю этого слова.*

Иногда российские казахи сталкивались и с неоднозначным отношением со стороны некоторых казахстанских казахов, которые считали, что российские казахи предали свою родину в тяжелые дни. Активист национально-культурной автономии Большеглушицкого района Самарской области рассказывал, как он ездил в Уральск переоформлять некоторые документы. Волею судьбы он родился в Уральске, где его мать, жительница Самарской области, гостила у родственников, но всю жизнь прожил в России. Понадобилась справка с места рождения – и сотрудница ЗАГСа в Уральске заклеймила его пословицей: «*Человек возвращается на родину, а собака туда, где сытно поела*» (ПМА 2005, Самарская область). В целом, однако, отношение к российским казахам нейтральное. На наши расспросы на этот счет мы, как правило, получали от казахов – уроженцев России ответ, что в Казахстан они «*едут к родственникам, которые, естественно, относятся хорошо, а на рынке и не разберешь, кто откуда*».

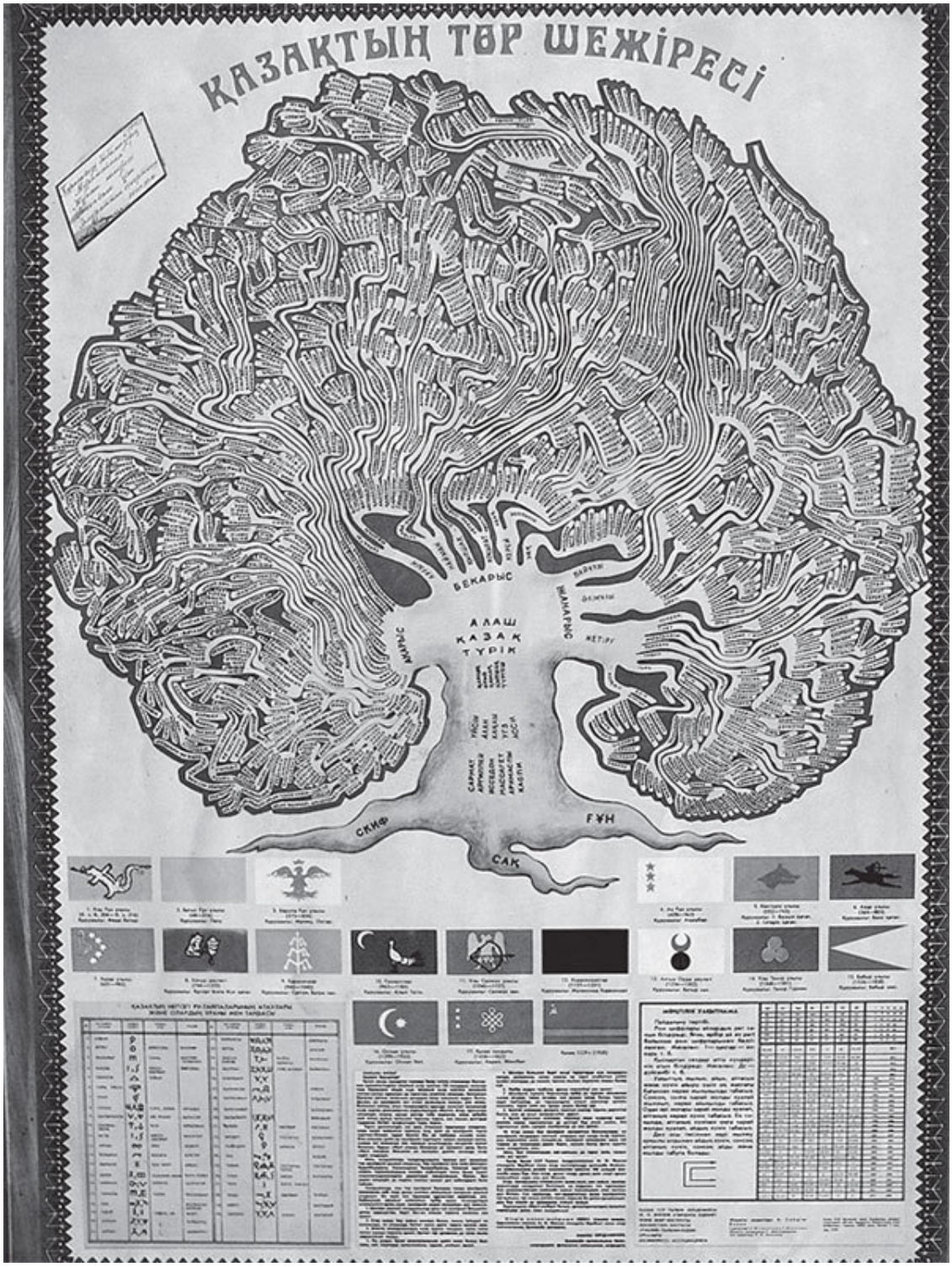
Как показывают материалы наших экспедиций, коренные российские казахи называют Россию родиной не задумываясь и лишь потом вспоминают, что у них есть вторая, «историческая», родина – Казахстан. Они родились и живут в России, здесь могилы их родителей. И говорят они чаще по-русски, хотя большинство владеет бытовым казахским языком. Однако возможности карьерного роста, улучшения материального благосостояния побуждали некоторых российских казахов переезжать в Казахстан – ведь «*Назарбаев открыл границы и многих специалистов с российским образованием ставит на должности*». К тому же, если на переехавших в свое время из Казахстана в Россию, а потом вернувшихся не распространяются положенные оралманам льготы, то российские казахи, решившиеся переселиться в Казахстан, могли

ими воспользоваться. Так, молодые супруги из Акбулака, переехав в Актюбинск, купили на «подъемные» комнату. Муж устроился работать продавцом, жена – в столовую. Муж в 2006 г. получал зарплату, эквивалентную 12 тыс. руб., в то время это были большие деньги для сельской местности России. В Казахстане российские казахи, как и казахстанские в России, «подселяются» к родственникам. Та же пара, о которой шла речь выше, ехала не на пустое место, а к сестрам мужа.

Некоторые результаты миграций

В северных городах Казахстана, куда направлялся миграционный поток казахов из приграничных областей России, горожане хорошо говорят по-русски. В то же время многие из этих горожан владеют казахским языком не лучше, чем коренные российские казахи, у большинства из которых знание казахского явно недостаточно. Это обстоятельство благоприятствует возвращению российских казахов на «историческую родину». Как сказала одна из наших собеседниц в Акбулаке, дочь которой переехала в Актюбинск: «*Там начнешь по-казахски, а потом можно на русский переходить*». Конечно, в связи с языковой политикой, проводимой в Казахстане, казахский язык будет всё сильнее укреплять свои позиции, в том числе и в городах. Российские казахи учитывали этот фактор, и нам не раз приходилось слышать, что кто-то послал или собирается послать своих детей в учебные заведения Казахстана, чтобы те выучили казахский. Если эта тенденция укрепится, можно ожидать, что миграционные процессы в российско-казахстанском приграничье в будущем существенно изменят языковую ситуацию, и казахский язык зазвучит в этих районах в полную силу.

Миграционные трансграничные обмены дали начало еще одному новому для рос сийских казахов явлению. Пятнадцать лет назад все они, за исключением, пожалуй, алтайских казахов, плохо ориентировались в казахских родовых делениях. Как правило, они знали, к какому ру принадлежат, однако не представляли себе родоплеменную структуру в целом, равно как и место своего рода в этой системе (*Наумова* 2000: 62). Теперь же поездки в Казахстан, где это знание, в советские времена не афишировавшееся, стало более открытым, доступным и актуальным, и общение с его носителями «у себя дома», т. е. с казахами-переселенцами из Казахстана, стали своего рода катализаторами стремления больше узнать о своем ру, выяснить имена предков до седьмого колена и т. д. Дополнительную роль играет тут «культуртрегерство» активистов казахских НКО в России: со всемирных казахских курултаев в Казахстане они привозят красочные плакаты с изображением *шежере* (родословной) казахов. Такие плакаты можно увидеть во многих казахских домах. Некоторые казахи не находят там своего ру, что и побуждает их к целенаправленному поиску «корней».



Подобные шежере украшают дома многих российских казахов. Омская обл., Шербакульский р-н, а. Артакшил. 2009 г. Фото авторов

Когда эту деятельность поддерживают местные бизнесмены-казахи, она перестает быть частным делом, приобретает широкий размах и резонанс. Так, уроженец Адамовского района, крупный по масштабам Оренбургской области предприниматель, специализирующийся на производстве зерновых, К. М. Маканов стал спонсором книги краеведа из Кустанайской области Казахстана М. Н. Жаксылыкова «Родословная жагалбайлы» (244 с., издана в 2006 г. в Оренбурге тиражом в 1 тыс. экземпляров). Книга посвящена одному из племен Младшего

жуза, расселенному в восточных районах Оренбургской области, родных местах самого предпринимателя. Характерно, что и русское население теперь знает, что казахи делятся по родам. Как сказал нам один из соль-илецких казахов: «*Здесь даже русский ру спрашивает*».

Еще один результат миграций – близкое знакомство российских казахов с казахами из разных регионов Казахстана и сопредельных стран. Одна из любимых тем разговоров всех российских казахов, посетивших Казахстан на короткое или длительное время, – это сравнительные достоинства/недостатки жизни в обеих странах. Различия видят во всем – в свадьбах, похоронах, чаепитии и пр. Находят их и в традиционном этикете. Вывод же из этих сравнений, как правило, таков: «здесь» казахи гораздо лучше чтут свои традиции, чем «там». Одна из жительниц уже упоминавшегося села Жанаталап Оренбургской обл. изложила эту точку зрения следующим образом:

> *Тут больше казахского обычая придерживаются, чем в Казахстане. В Актюбинске у матери брат. Когда мы первое время ездили в Актюбинск, возмущались. У нас с приезжими внимательно обращаются, разговаривают. А там даже бабка придет, а они сидят, в карты играют. Даже когда в Шалкар*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.